

МАКСИМ
ГОРЬКИЙ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

М Горький

Максим Горький
Об Анатоле Франсе

«Public Domain»

1927

Горький М.

Об Анатоле Франсе / М. Горький — «Public Domain», 1927

«На вопрос: что наиболее характерно и выгодно для Франции отличает дух её от духа других наций? – я ответил бы: мысль француза почти совершенно чужда фанатизма, и точно так же ей чужд пессимизм; французы-скептики кажутся мне учениками не Протагора и Пиррона, но – Сократа...»

Максим Горький Об Анатоле Франсе

{1}

На вопрос: что наиболее характерно и выгодно для Франции отличает дух её от духа других наций? – я ответил бы: мысль француза почти совершенно чужда фанатизма, и точно так же ей чужд пессимизм; французы-скептики кажутся мне учениками не Протагора и Пиррона, но – Сократа.

Сократ, как известно, поставил границы «суетному увлечению софистов страшной мощью разума», введя в анархическое буйство мысли, разрушавшей «ходячие истины», начало этики и установив, что объективная истина достижима волею человека при условии совершенной свободы мышления, направленного к самопознанию и познанию мира.

Разумеется, вполне возможно, что я знаю мало по истории духовного развития Франции и что мои суждения ошибочны. Но то, что я знаю, рисует мне гений француза счастливо лишённым фанатической и холодной самоуверенности, лишённым деспотического стремления непоколебимо, на века установить те или иные догматы, вогнать мысль в узкое русло той или иной системы и с придирчивой жестокостью инквизитора охранять неприкосновенность догматов и систем. Мне кажется, что прокрустово ложе, любимая мебель педантов, насилующих свободу познания, – эта мебель никогда не пользовалась во Франции особенной популярностью. И я нахожу как нельзя более естественным, что именно француз сказал:

«Мыслю, значит – существую»¹.

Начиная с Рабле и Монтеня, который через века подаёт руку Вольтеру, скептицизм французов, в согласии с Сократом, утверждал необходимость просвещения. Рабле, устами «оракула бутылки», дал людям совет² изучать природу, подчиняя её силы интересам человека, Монтень именуется «шарлатанством» философию, которая «прячется от людей».

Не помню ни одной весёлой улыбки Джонатана Свифта, но монах Рабле умел смеяться, как никто не умел до него, и по сей день, вплоть до «Кола Брюньон» Ромэна Роллана, смех Рабле не умолкает во Франции, а хороший смех – верный признак духовного здоровья.

В других странах мы видим пессимистов-философов, пессимистов-поэтов, но я различаю пессимизм человека, который, чувствуя себя оскорблённым безуспешными поисками гармонии в мире и в себе самом, страстно проклинает и себя и мир; я различаю этот вид пессимизма от безнадёжной покорности пыткам духа и тела, столь обильным в мире нашем и требующим уничтожения. Поэтому я принимаю пессимизм Бодлера, но мне чуждо мрачное подчинение Ленау злому хаосу фактов. И я очень люблю повторять презрительные верные слова Бальзака: «Глупо, как факт».

Может быть, следует указать и на то, что о «закате Европы»³, о гибели европейской культуры меньше всего говорят и пишут во Франции.

Допустимо, что эти сопоставления, которые можно легко развить и расширить на все стороны жизни, читателю покажутся излишними, но, думая о гении Анатоля Франса, невозможно умолчать о духе наций. Как Достоевский и Толстой, каждый по-своему, показали с полнотой, совершенно исчерпывающей, душу русского народа, так, для меня, Анатолий Франс всесторонне и глубоко связан с духом своего народа. Вероятно, с русской стороны мне возразят

¹ «Мыслю, значит – существую» – положение французского философа Р. Декарта.

² Рабле, устами «оракула бутылки» дал людям совет... – имеется в виду эпизод из романа «Гаргантюа и Пантагрюэль» французского писателя эпохи Возрождения Ф. Рабле.

³ ...о «закате Европы»... – подразумевается книга немецкого реакционного философа-публициста О. Шпенглера «Закат Европы».

против такого уравнивания, но это был бы спор о вкусах. И к тому же я сравниваю не эстетические величины, а лишь степень полноты, с которой выражен дух той или иной нации, а с этой точки зрения Анатоль Франс для меня совершенно равен величайшим гениям всех стран. К этому следует прибавить, что духовно здоровый человек кажется нам человеком несколько упрощённым, что весьма ошибочно, вредно и свидетельствует только об искажении вкуса к жизни.

Я не стану говорить о красоте мысли Анатоля Франса, и, не зная его языка, я принужден молчать об изящной силе и богатстве его слова, хотя эти достоинства вполне ясно чувствуются даже в русских переводах его книг. Меня Анатоль Франс прежде всего изумляет своим мужеством и духовным здоровьем; поистине, это идеально «здоровый дух в здоровом теле». Он прожил жизнь свою в трудное время великих социальных катастроф, и я не помню, когда его зоркий разум ошибался в оценке событий, хотя должен сказать, что мне не вполне ясно, как связано его отношение к войне с отношением к идее коммунизма. Он в совершенной степени обладал сдержанностью аристократа духа, эта благородная сдержанность никогда не позволяла ему увеличивать печаль мира сего жалобами на людей и заявлениями о личных страданиях своих, а ведь несомненно, что этот удивительный человек страдал много и не только тогда, когда он мужественно работал над такой книгой, как «Остров пингвинов». В маленькой заметке «О скептицизме»⁴

⁴ В маленькой заметке «О скептицизме»... – см. А. Франс «Книги и люди», М.-Л. 1923.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания

1.

Напечатано в журнале «Красная новь», 1927, номер 5, май. // Статья написана в связи со смертью А. Франса. На русском языке отрывок из неё впервые был опубликован в «Красной газете», 1925, номер 98, 26 апреля (вечерний выпуск). // Выдающийся прогрессивный писатель Франции Анатоль Франс (1844–1924) привлекал к себе внимание М. Горького на протяжении многих лет. В 1906 году М. Горький послал ему письмо-обращение. // Имя Анатоля Франса часто встречается в статьях и письмах М. Горького, главным образом двадцатых – тридцатых годов. М. Горький говорит об остром уме А. Франса, об изумительной тонкости его пера; он высоко ценит критику капиталистической Франции, развёрнутую в произведениях Франса, называет его «Современную историю» самой сильной и безжалостной книгой XX века (Архив А. М. Горького). В статье 1929 года «Молодая литература и её задачи» М. Горький писал: «Анатоль Франс не оставил ни одной из основных идей буржуазного государства, – не показав, как противоречив, лицемерен и бесчеловечен их смысл...» (см. том 25 настоящего издания). В статье «Цели нашего журнала» (1930) М. Горький включил Франса – наряду со Свифтом, Рабле, Вольтером, Байроном, Теккереем, Гейне, Верхарном – в группу западных писателей, которые были «безукоризненно правдивые и суровые обличители пороков командующего класса». // Наряду с этим М. Горький отмечает и отрицательные черты в творчестве А. Франса. Наиболее суровая оценка дана в черновом варианте статьи «Разрушение личности» (1908), где М. Горький назвал Франса «холодным и безжизненным красавцем». М. Горький критиковал «элегантный» скептицизм и эпикурейство Франса (Архив А. М. Горького). // Отношение М. Горького к Франсу изменялось на протяжении десятилетий в сторону всё более высокой оценки его творчества. // В авторизованные сборники статья «Об Анатоле Франсе» не включалась. // Печатается по тексту журнала «Красная новь», сверенному с рукописью (Архив А. М. Горького).